

НАД

ВЫПУСК III
1997

КАРНОЙ

НАД

3-1997

КАРНОЙ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
КЛУБА КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ "ЗЫБЧАНЕ"
НОВОЗЫБКОВ

В истории Новозыбкова, да и всего нашего края, раскол русской церкви XVII века и старообрядчество занимают особое место. Устойчивый интерес, который постоянно проявлялся как раньше, так и теперь к исследованию раскола не обошел внимания и редакции сборника. В настоящем выпуске все помещенные здесь материалы объединены именно этой темой.

Отношение к старообрядчеству со стороны властей и общества никогда не было постоянным. Как писал один из наиболее известных в XIX веке исследователей раскола писатель П.И. Мельников-Печерский: «Администрация сначала воздвигала костры, потом собирала податъ с бороды и рядила раскольников в кафтан с козырем и знаком на вороту, а впоследствии обрекла все дело раскола в неприкосновенную канцелярскую тайну. Литература сперва величаво и подробно рассуждала о том, сколькоими пальцами ради спасения души надо креститься и сколько раз говорить «аллилуйя», а потом стала искать в расколе воображаемых качеств». Даже и теперь отношение к «одному из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа» отнюдь не однозначное. Крайние точки зрения: от отрицания и хулы до чрезвычайного восхваления сохранились до сих пор. Несомненно одно, что старообрядческие общины в наших краях хотя и представляли различные толки, оказали неоспоримое влияние на формирование не только духовной, но в еще большей степени торгово-экономической и культурно-образовательной жизни всего региона.

Обилие и разнообразие материалов, посвященных старообрядчеству, не сможет вместить сейчас ни один, даже самый капитальный труд, поэтому объединение некоторых из них в одном сборнике никак не претендует на исчерпывающий охват темы. Скорее это попытка представить ее более или менее разнообразно, где журналист и писатель, краевед и искусствовед, историк и поэт с разных сторон по-своему трактуют ее и такое знакомство с ней, на наш взгляд, окажется полезным читателю.

Объективность и историческая непредвзятость, уважение к личности - вот та основа, которой редакция сборника будет придерживаться и впредь, предоставляя свои страницы различным авторам. В последующих выпусках мы собираемся обратиться к истории и другим религиозных общин, оставивших свой след на земле Новозыбковицны, в частности иудейских (еврейских) и католической (польско-белорусской), по которым, однако, мы в настоящее время не располагаем достаточным материалом и поэтому надеемся на помощь наших читателей.

Сегодня, как никогда раньше, стоит задача сохранения духовного наследия, в какой бы форме это не выражалось - религиозной или светской. Пренебрежение религиозной духовной культурой, тесно связанной с культурой нравственной, принижение ее роли в жизни людей уже дало свои плоды: стоят порушенными и забытыми храмы, оскверняются могилы предков, покидают родину те, кто не нашел отклика на свои духовные устремления, правят бал безнравственность и невежество. Будем надеяться, что минувшее еще поможет будущему в возрождении духовного начала в человеке, а значит и в нашем обществе.

Редакция «НК».

Зоя БАБИЧЕВА

ЧТО С НАМИ СТАЛОСЬ?

Немногие старожилы знают, что в гербе Новозыбкова были изображены когда-то сноп конопли и меркурьев жезл. Потому, наверное, что слобода Зыбкая, с которой и пошел со временем город, знаменита была песчаником, щедро родившим коноплю, да крепким кланом купцов, многие из которых считались столпами отечественной российской экономики.

Ну а поскольку слобода Зыбкая была основана в 1701 году крестьянами-раскольниками, то уже к 1914 году сложилась в Новозыбкове такая культовая демография: раскольников-старообрядцев проживало более 11 тысяч человек, иудеев около семи тысяч, немногим более двух тысяч православных, около двух тысяч единоверцев, 113 римских католиков и 64 лютеранина. Словом, в канун Октябрьской революции жившие здесь люди образовали ту социальную канву, по которой, не будь вселенских ломок и потрясений, могло бы состояться великолепное «шитье» многоцветной, живой и неповторимой культуры. Однако в ходе революций и гражданских войн канва эта расплзлась по нитке, и шитья не получилось. А вот что получилось все-таки, попробую продемонстрировать на срезе одного только дня - 19 января, что известен в христианской культуре как день Крещения Господня.

Новозыбков. Новые кварталы. Фото С.НЕПШИ.

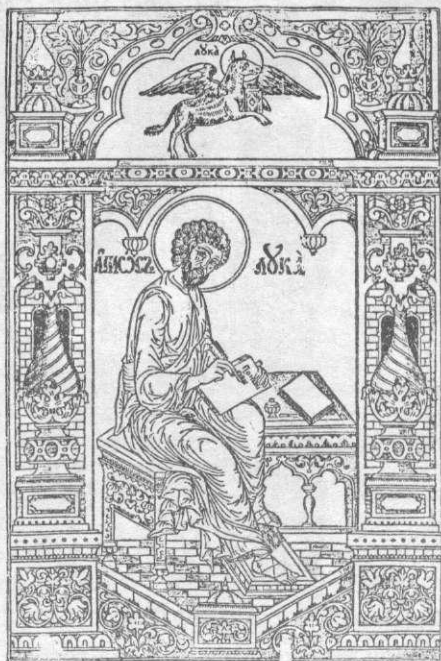

В старообрядческом храме. Фото С.ХОЛМАНЮКА.

С раннего утра малиновый звон колоколов возвестил городу о празднике, окрасив будний в прошлые года день торжественностью и умиротворением. Благообразные старческие лица в городском транспорте предупреждали - день ныне особый. Блюда веру, и она спасет тебя.

И все же вульгарная наша «бытовщина» не обошла в этот день и Спасо-Преображенский собор: в моление и коленопреклонении топтались люди по «святой» воде, разлитой на полу храма. Причину тому объяснил в конце службы священнослужитель древлеправославия отец Александр. Оказывается, едва отворились с утра двери храма, как многие из пришедших рванулись к бачкам со «святой» водой. Натиск страждущих до божьей благодати был столь велик, что начавшаяся служба оказалась на грани срыва. Тогда отец Александр вынужден был пойти на крайнюю меру: для того, чтобы отвести людей от окончательного грехопадения, он принял в этот день грех на себя. Взяв в руки стеклянную банку со «святой» водой, на глазах прихожан разбил ее об пол. Шок прошел, и люди вспомнили о Боге и о празднике.

- Я совершил в ту минуту акт святотатства,- признался отец Александр,- но только чем-то подобным можно было остановить

Гравюра из старопечатной книги

на фотоснимки и коротко их прокомментировать.

Изображенные на фоторепродукции торговые ряды новозыбковской базарной площади были разрушены в годы войны (см. стр. 15).

Спасо-Преображенский старообрядческий собор, основанный в 1911 году, голубой, с золочеными куполами, и поныне украшает городской центр (фото на обложке). А вот новостройки, согласитесь, удивительно похожи на нас: такие же, в большинстве своем, хмурые и непривлекательные, подобные друг другу.

Впрочем, в утешение не стоит, пожалуй, забывать о том, что рядом еще живут храмы. Возможно, научившись уважать и понимать ту жизнь, что осталась в окружении фресок и иконостасов, мы сделаем шаг к настоящему возрождению. Вот только кто подскажет, как это сделать? К истории Новозыбкова мы еще вернемся, тем более, что хранит она множество удивительных сюрпризов.

людей от еще большего святотатства, которое назревало на моих глазах...

...Между тем народ расходился. Женщины гасили свечи, приводили в порядок пол. Старик в светском костюме с окладистой бородой и в сапогах-кирзовках припал перед отцом Александром на колени, положил на пол принесенную с собой подушечку и коснулся ее лбом...

А за порогом собора правила бал другая жизнь, о которой мы кое-что знаем. И ничего практически не знаем о жизни центра старой веры, коим остается в России Новозыбков.

И вот теперь в завершение этого короткого экскурса в старый и новый Новозыбков, самый пострадавший город российского Чернобыля, хочется обратить ваше внимание

«Российский Чернобыль».

Павел МЕЛЬНИКОВ
(Андрей ПЕЧЕРСКИЙ)

НАЧАЛО РАСКОЛА СТАРООБРЯДЧЕСТВА

В старые годы грамотных людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписчики церковных книг, по невежеству, вносили в них самые грубые ошибки. К тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Через два-три поколения ошибка переписчика делалась уже святынею для набожных людей, строгих ревнителей обряда и буквы. Такая порча книг началась издавна: так называемые «худые помоканунцы» были у нас еще в XII веке.

То же самое и относительно обрядов. От недостатка книжного научения не только миряне, но и духовные путались во множестве сложных обрядов. Это особенно замечалось в Новгороде и Пскове. Оттуда и пошли по северной Руси обряды, несогласные с древними греческими, не известные в южной, Киевской Руси, но получившие значение неприкосновенной святыни в глазах ревнителей старины северного края. Таковы: сугубая аллилуйя, даушерстное сложение, ходы посолонь и пр. На севере, то есть во всей Великой России, все эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться с 1410 года, или со времени разделения русской митрополии на две половины - московскую и литовскую; окончательно же они утвердились во времена первых московских патриархов. Ослабление связей с Константинополем и потом полная, автокефальная независимость московской церкви обусловили нсвмешательство восточных патриархов в великорусские церковные дела; между тем литовская половина Руси до конца XVII столетия зависела вполне и непосредственно от цареградской патриархии и всегда находилась в более тесных связях с восточными православными церквями, чем московская. Этим объясняется замечательное и в наше время явление: в южнорусских областях не было и нет испорченных обрядов и не образовалось раскола; до сих пор в Малороссии и Западном крае раскол чужд коренных жителей и содержится одними выходцами из Великой России.

Еще при Иване Грозном искажение обряда и буквы в Московском государстве было уже так велико и так повсеместно, что обратило на себя внимание самого царя. Вернейшим средством отвратить дальнейшую порчу книг малограмотными переписчиками призвано было книгопечатание. Стали печатать книги в Москве, но по тем неверным спискам, которые были во всеобщем употреблении. Самое же исправление книг отлагалось от времени до времени. Смутное время, в начале XVII века, и последствия его надолго задержали дело решительного исправления книг. Так и шло дело до половины XVII века.

В это время бархатную мантию с золотыми источниками надел Никон, мордвин, родом из села Вельдеманова, человек обширного ума и непреклонной воли, «собиный друг» царя Алексея Михайловича. Он принял решительное намерение - во что бы то ни стало исправить книги и исправленными одновременно и повсеместно заменить порченые, как печатные, так и рукописные. В 1654 году Никон издал «Служебник». В нем отменялись некоторые обряды, к которым привыкли попы и миряне в продолжение не одного столетия. Ужасом поражены были люди набожные, строгие ревнители старины и обряда; для ненабожных было все равно. Недовольство патриархом обнаружилось тотчас же. И где же? Рядом с патриархией, в кремлевских теремах, на половине набожной и благочестивой царицы Марии Ильиничны.

Воспитанная в старых обрядах, свято чтимых Милославскими и всеми их родственниками и свойственниками, набожная, но неразвитая, благочестивая, но

Царь Алексей Михайлович

«новосоставленных, Никонем измышленных» обрядах. Главные соборяне кремлевских соборов были одних мыслей с царским духовником. Таким образом, при самом начале церковного раздора, во главе противников Никона стала царица московская с близкими к ней людьми и самое высшее белое духовенство московского Кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали в этом деле мало участия. Со времени издания «Служебника» Алексей Михайлович без малого два года почти без выезда находился в Литве, победоносно воюя с польским королем.

Из московских теремов полился раскол по московским улицам, а из Москвы, изо всех застав ее, разлился во все стороны по городам, по селам, по деревням. По городам во главе раскола стало также высшее духовенство. В числе первых расколоучителей видим протопопов и попов: Никиту - в Суздале, Аввакума - в Юрьеве, Лазаря - в Романове, Даниила - в Костроме, Логтина - в Муроме, Никифора - в Симбирске, Андрея - в Коломне, Серапиона - в Смоленске, Варлаама - во Пскове и проч. По селам, приобикшие к старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленные книги на клиросах и, не заглядывая в них, пели службу по-старому. На первых порах сельский народ и не заметил перемены. Но в монастырях, где иночествующая братия была относительно развитее и разумнее приходского духовенства, новый обряд был принят. В монастырях служили по-новому, в приходах - по-старому. Народ, видя такую разность, соблазнялся. И пошли толки. Между тем монахи, патриаршие десятильники и заказчики доносили святейшему, что сельские попы «ему послушны: по новым книгам его исправления службы Божией в приходных церквах не поют». По таким доносам начинались розыски: с попов, уличенных в службе по иосифовским книгам, брали денежные пени, сажали их по монастырям под начал, упорнейших держали в монастырских поварнях на цепях. Иногда послушников воли патриаршей

не наученная книжной мудрости, царица с негодованием встретила Никоновы «новшества». Все окружавшие ее, самые близкие к ней люди недоброхотно смотрели на дело Никона. Старик Соковнин, ее ближайший советник, заведовавший ее частным хозяйством; сыновья его, бывшие при царицыном дворе; его дочери - Морозова и княгиня Урусова, самые любимые царицею боярыни, сверстницы ее по воспитанию; вся родня ее, то есть Милославские, Хованские, были истые ревнители обряда и старины. С ненавистью смотрели они на Никона и хулили его дело в царицыном тереме. Сам духовник Марья Ильиничны, благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев, прежде приятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недоброго внушал своей духовной дочери о

смиряли и батогами. Наказания ожесточали, и попы делались упорнее, думая, что страдают за правду, за старую отеческую веру. Стали некоторых, более влиятельных, посылать в ссылки. Народ смотрел на них как на мучеников за «старую веру», укреплялся в стоянии за старину и слушать не хотел никаких увещеваний о покорении воле святейшего Никона. А между тем из Москвы, из палат и хором политических врагов патриарха, бывшего тогда почти полновластным правителем государства, неслись по сельщине и деревенщине недобрые вести: «Никон старую веру рушит!...» И задумались православные. Задумались и в Москве, и на Волге, и на Севере, и в Сибири.

И встарь, как и теперь, русский народ каждое событие, выходящее из ряда обыкновенных и близко касающееся его домашнего быта, его собственных дел, объяснил по-своему. Объяснения бывали и бывают иногда до крайности нелепы, но они всегда замечательны, как выражение народных симпатий данного времени. Так было и при исправлении церковного обряда Никонем.

Откуда эти «новшества»? Кто возбудил Никона рушить старую веру? Чье веление творит он? Такие вопросы двести лет тому назад задавали себе на Руси ревнители старины. Первым виновником оказался, разумеется, дьявол, всегда иский кого поглотит, исконный пакостник роду христианскому. А за ним - папа римский, которому на этот раз, разумеется, и в голову не приходило ничего подобного. В то время и великоруссы и южноруссы были страшно озлоблены против поляков и римского костела. В Московском государстве у всех еще на свежей памяти были недавние события смутного времени и фанатическое зверство римских католиков в самых стенах Кремля. Люди Московского государства были современниками польских исправд и неистовств при варварском, насильственном, кровавом обращении южноруссов и белоруссов в унию. Малороссия только что поддалась «под высокую руку» православного царя, избегая польско-католического ига. Царь в Литве победоносно мстил обиды и многие неправды польского короля и панов рады. Всякое зло приписывалось ненавистным полякам и козням римского двора и иезуитов. По тогдашним московским понятиям, злее, душепагубнее латинства во всем мире другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слух нелепый, но зато быстро распространившийся от Днепра до Байкала и повсюду принятый за истину, не требующую доказательств: «Поляки да римский костел, через врага Божия, Никона, хотят замутить русскую землю». И пошли по народу одни толки за другими. И пошла по людям мирская молва, что по морю морская волна. И было много смятения в людях.

«Православный государь за многие неправды польскаго короля и панов рады и всей Речи Посполитой, с помощью Божиею и своим государевым счастьем, отмщение чинит и храбрством своим, доброхотством же и многою службою и кровавыми ранами и потом христоролюбивого воинства, православныя церкви от прелестнаго папешского насилия боронит,- а на Москве сидит мордвин и всем царством мутит, держа руку государевым злодеям и последуюа богоотметному римскому костелу».

Так говорили в Московском государстве. Таковы были народные толки о Никоне. И раздался по городам и селам, по лесам и пустыням тот самый ясак, который лет сорок до того «воздвиг от сна уснувших», по выражению Минина. Ясак тот был: «погибает вера православная!». Еще живы были старики, что в юности порадели делу земскому, ходили с Кузьмой Захарьевичем да с князем Дмитрием Михайловичем очищать Москву «от польских людей и от русских воров». «На то ли мы боронили святоотеческую, православную церковь,- говорили они теперь,- чтобы с Никоним-отступником зловерию последовать и, впадше в смрадную яму

еретичества, душами и телесами погибнуть?» Противление патриарху до того дошло, что не только по многим церквам царствующего града Москвы, но и в самом Успенском соборе священники и причт не переставали служить по-старому, по-Иосифовски. При самом служении патриарха в этом храме священник Иван Неронов не допускал чтецов тронуть аллилуйю и много раз споривал о том с самим Никоном, к явному соблазну богомольцев. Неронов был в милости при дворе, и Никон в то время еще не решился строго поступить с ним. «И мнози, — говорит один из известнейших раскольных писателей, — яко от священных, тако и от мирских, от того (Никона) новинах смущахуся, и великие молвы и мятежи в Российской земли совершаху».

А между тем чума ходила по России, и были повсеместные неурожаи. Страшная была гибель народа. Города опустели; посадские и крестьяне разбрелись врознь. Хоронить было некому: трупы гнили в домах; иные деревни вымерли поголовно. Поля остались незасеянными. Оттого голод пошел, и на все неперемная дороговизна. Народ страдал и всю беду сваливал на Никона. «То — Божие наказание, — говорил он, — за то, что многие христиане, последуя за Божиим врагом, отинули святоотеческие заветы и предания». Стояли необычайные морозы, были страшные бури, градом выбивало поля, а на небесах то и дело видимы были знамения: столпы кровавые ходили, солнце меркло, явилась огромная звезда с метлой... «Зрите, православные, зрите знамения гнева Господня, ...Творец род христианский наказует, что многие пошли по следам врага Божия и Пречистыя Богородицы — волка Никона!»

И малая доля подобных толков, проникая в крестовую патриаршую палату, могла бы смутить всякого, но не таков был Никон. Препятствия лишь усиливали его энергию и он, писавшийся «Божиею милостию великим государем и патриархом», верил в свое божественное право не только учить, но и повелевать. Во всех приказах творилась воля его; для непокорных же тюрем и застенков было не занимать statt. Врач душевный карал телеса и карал тяжко. Непокорные попы томились в ссылках или монастырских поварнях и погребах с цепями на шее. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполне безопасною. Здоровье ее сильно расстраивалось. Об уступках, о снисхождении, об усмирении народа патриарх и не помышлял: он презирал народ и его желания не меньше, чем впоследствии Петр.

Как скоро Алексей Михайлович воротился в Москву, Никон собрал собор русских архиереев (1656), еще раз утвердивший новоисправленный обряд, приравнявший двуперстие к ересям несториной и армянской и проклявший крестьящихся двумя перстами. Тогда же Никон приказал по всем приходам отобрать старые книги. Двуперстники на соборную анафему отвечали анафемой, а разосланным для отобрания старых, свято чтимых книг «по многим городам и селам не отдавали и служить по ним не переставали». Из некоторых церквей мирские люди тайком брали старые книги и, как драгоценность, уносили с собой в леса, в пустыни, в тундры отдаленного севера. До крайности крутая мера потрясла всех, а особенно людей простых. Вразумлять, что таинство и души человеческие освещаются не внешним обрядом, и не старыми или новыми книгами, а верою и благодатью, что исправление обряда необходимо — было совершенно невозможно. Простые сердцем и не книжные люди этого не понимали, да и понять не могли. Что же вышло? Все люди набожные, преданные церкви, уклонились от Никона и образовали раскол. Сюда принадлежало преимущественно простонародье, особенно женщины. Напротив, люди более или менее равнодушные приняли все, введенное Никоном. Сюда принадлежало большинство людей высших классов тогдашнего общества. Нелегко

было им переучиваться, но по-немногу эти люди приобрели навык креститься по-новому.

Никон в своих действиях опирался на авторитет восточных православных патриархов и надеялся на них. Но люди Московского государства греков ставили ни во что. В XVII столетии патриархи, митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческие то и дело к нам ездили. Чтобы получить побольше милостыни от набожного царя и благочестивых его подданных, греки возбуждали их рассказами о падении православия на Востоке. «...Только во единой Москве истинная вера сияет, яко светило», говорили они. Такие речи приходились по сердцу; они льстили народному самолюбию. Но уважать греков - не уважали.

«У греков вера пестра,- говорили дуперстники,- по взятии турецким султаном Царьграда православие у них погубило, и они теперь, под личиною православия содержат ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую.» «А Никон к нам хочет вводить сию пеструю веру!»- говорили другие. А тут Аввакум-протопоп из заточения рассылает грамотки, говорит вслух всей России: «Мудры б-ны дети греки; да с варваром турским с одного блюда патриархи кушают рафленные курки, а русачки миленькие не так: в огонь полезут, а благоверия не предадут».

«Везде нарушена вера православная, только в Московском государстве до дней наших стояла она твердо... А теперь и у нас враг Божий Никон хочет ее извести...» Не народился ли в лице Никона антихрист? Такой вопрос возник у дуперстников и был решен положительно. Возненавидели Никона все от мала до велика, и не было ему другого имени, как враг Божий и антихрист. А он строил себе свой Воскресенский монастырь, по подобию великой иерусалимской церкви, спорил с боярами, поссорился с царем. Между тем раскол церковный с каждым днем развивался более и более. Государь то и дело получал челобитные на Никона, с просьбой восстановить нарушенный им обряд. Собор для суда над Никоном собрался в роковом 1666 году. Никон был осужден, но все распоряжения его по исправлению обряда одобрены и утверждены, а ревнители старины преданы анафеме.

«Погибло православие!»- завопил народ, ревностно преданный старине. Стали ждать с часу на час трубы архангела. «Мир кончается, антихрист явился, близок час страшного суда христова!»- говорили повсюду.

При таком настроении умов совершился в русской церкви раскол старообрядства.

Патриарх Никон

(Из «Очерков поповщины»)

Мурад АДЖИЕВ

Р А С К О Л

Шел 1666 год. Колокольные звоны в Москве переменялись: «звонят к церковному пению дрянью, аки на пожар гонят или врасплох быют»... К чему это колокола изменили себе?

Тогда только-только закончился Церковный собор, созданный царем Алексеем Михайловичем якобы для рассмотрения дел насущных, на самом же деле - для устранения патриарха Никона. Низложить зарвавшегося патриарха, но увековечить его церковную реформу - решил собор... Так, с тревожных звонов, начиналась новая русская церковь.

Конечно, церковный собор интересовали и другие вопросы, куда более важные, - там речь шла о глобальной политике. Патриарх Никон желал сам ваять лик Руси, заявляя: «Священство выше царства». Но у царя было иное мнение. При тайном противостоянии царя и патриарха собрался собор.

По традиции вести собор пригласили греческих патриархов - Паисия Александрийского и Макария Антиохийского. Царь знал подноготную этих деятелей, и Никон тоже знал, что оба гостя за открытую симпатию к Риму низложены со своих престолов собором иерархов Восточной церкви. Эти два приглашенных митрополита не имели канонического права решать церковные дела. Однако же приехали...

К сожалению, многим россиянам неведомо, что правильное название христианской церкви на Руси прежде было «Древлеправославная Греческая Церковь». Именно в эту церковь вошла Русь в 988 году после своего крещения.

Вот почему первыми митрополитами становились неславяне. Константинопольские патриархи долго контролировали дела церковные на огромных территориях, лежащих к северу и востоку от Византии. Позднее Русь уже сама, своим собором, избирала себе пастыря - митрополита. Однако он, после избрания, должен был явиться в Константинополь для принятия хиротонии от греческого патриарха.

Опять же по традиции, заведенной с 988 года, на церковных соборах считалось обязательным присутствие греческих митрополитов, им доверялось ведение заседаний. Поэтому приглашение в Москву патриархов Паисия и Макария было воспринято как должное, тем более, что почти никто даже не догадывался о недавнем прошлом этих высоких гостей.

Паисий Лигарид, тайный иезуит, приехал с особым удовольствием, у него были свои виды на Русь. Открывая собор, Паисий тут же начал расправу над Никоном, однако прислушиваясь к тому, что нашептывал за его спиной русский царь. Обвинения неслись лавиной. Никон «должен

быть проклят как еретик», - гвоздил оратор. С этих слов он начал свою речь.

Русский патриарх Никон, понимая, что идет борьба между духовной и светской властью, в тайне надеявшийся на помощь Лигарида, буквально опешил, такого поворота событий он не ожидал. Даже потерял дар речи.

Единственное, что нашел в ответ русский патриарх, так это ругательства. В ярости он обзывал своего оппонента и «вором», и «нехристью», и «собакой», и «мужиком»...

Так открылся знаменитый собор Русской православной церкви в 1666 году.

Тишайший царь Алексей Михайлович вошел в историю России «приказами», он стал отцом непотопляемой российской бюрократии, сделавшей Москву центром «москальства». Каких только контор-приказов не появилось при Алексее - Земский, Монастырский и другие! Не хватало лишь одного - Духовного, лишь церковь не подчинялась царю.

Новый «приказ» и решил создать царь, а кандидатуру для воеводы присмотрел вполне подходящую: в 1652 году патриархом московским стал Никон, человек своевольный, мечтавший о власти, а главное - не имевший хорошего образования. Через два года после своего избрания, то есть в 1654 году, Никон объявил на соборе о церковной реформе. Велено было исправлять церковные книги, ввести новые обряды, чины. Иначе говоря, создать новую церковь! Тихо, без крови и удушений.

Наиболее важными изменениями и нововведениями были следующие.

1. Вместо двоеперстного крестного знамения было введено троеперстное.

2. В старых книгах всегда писалось и выговаривалось имя Спасителя «Исус», в новых книгах это имя было переделано на «Иисус».

3. В старых книгах установлено во время крещения, венчания и освящения храма делать обхождение по солнцу. В новых книгах — против солнца...

Всего шесть (!) нововведений. Но по сути Никон предложил новый канон - новые обычаи. Значит образовалась новая церковь. Тоже христианская, но новая!

Москва расколола православие, когда публично отошла от Древлеправославной церкви, в которую Русь вступила в 988 году. Даже название московской церкви стало иным: Русская православная церковь. Раскол - это разделение сфер влияния, он-то и случился в 1654 году.

Вот в чем был политический смысл раскола и всего происходящего на Руси в те века. Москва, мечтавшая о лаврах третьего Рима - о собственной империи! - получила свободу действий.

И пусть как угодно убеждают иные историки, что была якобы церковная реформа, что были якобы исправления ошибок, накопившихся в церковных книгах при их переписывании. Нет. Слова эти очень далеки от действительности - новый канон налицо. А в остальном убеждает уникальная работа Б.Кутузова.

Этот исследователь сравнил «старые» и «новые» тексты. Получилось удивительное: «старые» тексты были точнее и глубже.

И действительно, в старину богослужебные книги переписывались. Но как? Любая опись в книге, недосмотр, ошибка приравнивались чуть ли не к греху. В старинных богослужебных книгах, по мнению некоторых

**Сожжение протопопа Аввакума
(С картины Г. МЯСОЕДОВА)**

специалистов, ошибок куда меньше, чем опечаток в современных, типографских. Приведем лишь некоторые примеры из «Псалтыри».

Старый текст: «Закон положит ему на пути»; «Ибо благословение даст закон даая»; «Избави мя... от рук сынов чужих».

Новый текст: «Законоположит ему на пути»; «Законополагаяя»; «Из рук сынов чужих».

Были допущены ошибки и посерьезнее. И дело, конечно, не в стилистических погрешностях. Все эти ошибки будто работали на раскол, ускоряли его. Как иначе можно воспринять, например, такое исправление: «Молимся тебе, Господи, ниже да снидет со крещающимся дух лукав» на «Ниже да снидется с крещающимся, молимся тебе, дух лукавый».

Совершенно естественно, прочитав подобное нововведение, народ ужаснулся. Объяснение же всему этому только одно: исправители плохо знали язык, на котором они были призваны исправлять тексты.

Русский народ никогда не принял бы новаций, провозглашенных Никоном. Однако новый царский «приказ» уже действовал, и Никон, став первым его «воеводою», не сидел без дела.

Русь полыхала. Царь сам насаждал угодные нововведения. Тех, чья душа не принимала «московских» обрядов, загоняли в избы и сжигали. Тысячи и тысячи безвинных русских христиан, не пожелавших молиться «духу лукавому», гибли в адовых муках. Горели целые деревни. На их кострищах поднималась новая церковь, которая ныне зовется Русской православной церковью (РПЦ).

Первыми мучениками за старую веру стали протопопы Иоанн Неронов, Логгин, Даниил, Аввакум и епископ Павел Коломенский, который бросил всесильному Никону прямо в лицо: «Мы новой веры не примем». Никон ответил старцу побоями, тут же, в христианском храме. Дальше - ссылка, пытки, и получив последнее «нет», новоявленные московские христиане сожгли великомучеников.

Когда протопопа Аввакума повели на костер, ему уже было за шестьдесят. Земляные ямы, ржавые цепи, пытки, голод согнули старца вдвое, но твердости, силы в измученной душе не убавилось. Его глаза горели, хоть и лицо было превращено истязателями в огромную черную рану. И странно, Аввакум будто улыбался, у него всегда и во всем светилась улыбка. А когда от огня затлели веревки, он медленно освободил горящую руку и поднял ее вверх. Два перста взметнулись над костром... Говорить он не мог.

Руками Никона царь Алексей укрепил свою власть. Именно новая церковь подчинилась и стала служить светской власти, а на старую - свободную - устроили гонения.

Никон, мечтавший самостоятельно править русским миром, просчитался. Царь оказался лучшим политиком, он выиграл. И поручил утверждать в жизнь никоновскую же реформу братьям Лихудам, воспитанникам иезуитских коллегий Венеции и Падуи. Им царь доверил Московскую духовную академию - новых служителей церкви нужно было воспитывать по-новому.

Неудивительно, что новое (европейское) быстро пронизало все поры московской церкви. Даже в иконописи отошли от тонкой, изящной старой школы, которой, кстати, придерживался и Андрей Рублев, ради новой, получившей впоследствии название «московской».

Памятны слова протопопа Аввакума о неподобающем писании: «Пишут Спасов образа Еммануила: лицо одуловатое, уста червошные, руки и мыщцы толстые... Старые добрые изографы писали не так подобие святых: лицо, руки и чувства отончали...»

Неудержимо менялась Русь. Менялась, стремясь забыть все старое, забыть свои корни и себя. Чтобы заставить благочестивый русский народ принять новую веру, новые книги, собор 1666 года навечно утвердил: «Подвергать ослушников соборных определенных тягчайшим казням: заточать их в тюрьмы, ссылать, бить говяжьими жилами, отрезать носы и уши, вырезать языки, отсекать руки...» Объявившие себя мудрецами безумствовали.

Лишившись сана и став простым монахом, Никон изменил и своим нововведениям, прекрасно понимая, в какую страшную клетку он заманил христиан. В монастыре он до конца дней своих, до 1681 года, отмаливал грех и переписывал книги, согласные со старопечатными. «Старые служебники добрые», - повторял он. Только его уже никто не слушал.

Церковь на Руси раскололась на старую и новую, народ тоже раскололся на старообрядцев и новообрядцев, и ему было уже не до Никона.

(Журнал «Знание-сила»)

Юрий КОЛОСОВ,
кандидат исторических наук.

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА БРЯНЩИНЕ В XVII-XIX ВЕКАХ

В связи с церковным расколом в России во второй половине XVII века часть старообрядцев (раскольников), спасаясь от преследования царского правительства и официальной церкви, переселилась из центральных губерний на окраины государства, в том числе и в Стародубье (западные районы Брянского края). В то время это была территория Стародубского полка. Стародубские полковники, выполнявшие как военные, так и административные функции, разрешали раскольникам заселять (осаживать) земли, видя в переселенцах в перспективе, с одной стороны, дополнительных налогоплательщиков (в первые годы проживания они освобождались от повинностей), а с другой, - контингент людей, которых можно было привлечь в случае военной опасности в ополчения.

Известно, что Брянщина, занимая окраинное положение в Российском государстве, играла роль его форпоста, сторожевой области на юго-западных рубежах как против крымских татар, так и против литовцев и поляков. Кроме того, на слабо заселенные земли Стародубья претендовала Киево-Печерская лавра. Так появилось в Брянском крае в начале XVII- начале XVII вв. около тридцати старообрядческих поселений, среди них слободы Зыбкая (ныне Новозыбков), Клинцы, Злынка, Климово, Ардонь, Воронок, Деменка, Митьковка, Шеломы, Замишево, Синий Колодец, Белый Колодец, Чуровичи, Елюнка, Лужки и другие (на территории современных Новозыбковского, Злынковского, Стародубского, Климовского и Клинцовского районов). Позднее тринадцать из слобод получили статус посадов, а Зыбкая, Клинцы, Злынка стали городами.

Архивные документы, исторические исследования по истории раскола, по истории Брянщины, содержащие статистические материалы, позволяют утверждать, что старообрядческие слободы, как правило, в сравнительно короткий срок становятся значительными торгово-ремесленными центрами, а в последующее время в посадах раскольников получает распространение предпринимательство, развивается промышленное производство, осуществляется промышленный переворот. Остановимся на примерах хозяйственной деятельности населения старообрядческих поселений Брянщины.

На месте теперешнего города Новозыбкова раскольники появились уже в 80-е годы XVII в. Это семьи Молчановых, Карповых, Гридиных, Уколовых, затем Петуховых, Баулиных, Кублицких. 12 сентября 1701 года стародубский полковник Михаил Миклашевский своим универсалом узаконил заселение слободы на землях урочища Зыбкое над речкой Карной. В XVIII веке слобода Зыбкая интенсивно растет. Если в 1716 году, согласно переписи, в ней насчитывалось 70 дворов, то в 1766 году - около 900. Особенно этот процесс усилился после 1735 г. когда по распоряжению императрицы Анны Иоановны была проведена первая «выгонка» Ветки (Ветка - одно из крупных поселений раскольников на территории Белоруссии, пограничной с Россией и входившей в то время во владения Речи

**Новозыбков. Гостинный ряд во время ярмарки.
1913 г. Фото В. НЕМЦЕВА.**

Посполитой). Отказавшиеся вернуться в Россию добровольно, раскольники были выгнаны из Ветки с помощью военной силы (при Екатерине II была предпринята вторая «выгонка» восставшей Ветки). Часть ветковских раскольников осела в Зыбкой, принеся сюда многие ремесла и грамотность.

К середине XVIII в. Зыбкая превращается в значительный ремесленно-торговый центр. Возникают кузницы, мыловарни, салотопни, бойни, кожевенные, парусиновые, пенькообрабатывающие, канатные, шорные, гончарные и другие заведения. Появилась Кузнечная (ныне Ломоносова), Канатная (ныне Лермонтова), Бойнянская (ныне Чапаева) улицы. Об уровне дальнейшего промышленного и торгового развития слободы можно судить хотя бы по такому факту: в начале XIX в. из Зыбкой вывозилось ежегодно только мыла до 50 000 пудов.

30 января 1809 года старообрядческая слобода Зыбкая была утверждена поветовым (уездным) городом Черниговской губернии и стала называться Ново-Зыбка (после Новозыбковым). В 1806 г. в ней было 77 предприятий: свыше 20 салотопных и свечных, 11 кожевенных, 11 маслособойных, 13 пенькотрепальных, 4 канатных, 5 полотняных, 7 кирпичных, 2 гончарных и другие. Постепенно город становится крупнейшим в России производителем спичек. Только фабрика фирмы «Максим Волков и сыновья» в Новозыбкове производила спичек на сумму до 150 тыс. рублей в год. В пореформенные годы появляются новые предприятия: чулочная фабрика, уксусный завод, деревообрабатывающие предприятия. Возрастает и число жителей: в 1861 г. было 7493, а в 1898 г. - 20445 человек.

Город продолжает развиваться и как торговый центр. Уже в 1806 г. здесь насчитывалось 143 магазина и лавки. Торговые обороты Новозыбкова конца XIX - начала XX вв. были значительными. В 1890 г. ввезено в город 1 400 000 пудов грузов, а в 1910 г. - 3 000 000 пудов. Сумма торгового оборота в 1910 г. составила 14 млн. рублей, была самой высокой в Черниговской губернии. Новозыбков имел торговые связи с Санкт-Петербургом, Москвой, Варшавой, Одессой, Киевом, Вильно, Ригой, Мурманском и многими другими городами России. Важную роль сыграла прошедшая через город железная дорога Брянск-Гомель (1885 г.) и ветка Новозыбков - Новгород-Северский (1899 г.).

В той или иной степени было втянуто в кустарное ремесленное производство, в предпринимательство и торговлю население и других старообрядческих слобод (посадов). Таким образом, целый их ряд на Брянщине уже в XIX веке играет заметную роль в экономическом развитии региона. В первой половине XIX в. здесь возникают купеческие предприятия с использованием вольнонаемных рабочих, с применением станков, машин, паровых двигателей, то есть здесь раньше, чем в других районах нынешней Брянщины, начался промышленный переворот. В дальнейшем в условиях пореформенного времени на западе Брянщины сформировались такие важные центры российской промышленности, как Новозыбков (спичечная промышленность) и Клинцы (текстильная промышленность).

Столь широкое распространение среди старообрядцев на Брянщине кустарных промыслов, ремесленного и фабрично-заводского производства, включение раскольниковых поселений в активные торговые связи, конечно, определяются не только субъективными факторами (многие авторы работ о раскольниках сходятся во мнениях, что старообрядцы «вообще промышленны и очень трудолюбивы»), но и рядом объективных предпосылок.

Особенно важной из них было то, что старообрядцы на новых местах проживания не знали крепостнических форм зависимости. Это облегчало решение задач предпринимательства и обеспечения купеческих предприятий вольнонаемными рабочими. Особенности экономического развития старообрядческих поселений предопределялись и такими обстоятельствами, как отсутствие благоприятных условий для ведения земледельческого хозяйства в местах расселения (малопродуктивные почвы, леса, болота); наличие в крае сырьевых ресурсов для промышленной деятельности (железные руды, стекольные пески, глины, древесина); близость к слабоохранявшимся границам государства, что способствовало налаживанию хозяйственных и торговых связей с соседними и другими зарубежными странами (Речь Посполитая, Пруссия), не говоря об удобном географическом положении региона между территориями Российского государства с крупными экономическими и торговыми центрами и соседними государствами, с которыми Россия вела торговлю; наконец, возможность использования речных путей для связи как с другими районами страны, так и зарубежом (Ипать, Беседь, Снов, Сож, Днепр). Очевидно, все это и привело к тому, что многие старообрядческие поселения края приобрели характер посадов (торгово-ремесленных сел) и городов, придавлив своеобразие экономическому развитию западных районов Брянщины.

(Краеведческий сборник «Из истории Брянского края»).

Марина КОЧЕРГИНА,
научный сотрудник Брянского
художественного музея.

ХРАНИТЕЛИ СТАРОЙ ВЕРЫ

Много лет назад, в морозном январе 1976 года, мне, тогда еще совсем юной сотруднице областного художественного музея, впервые удалось побывать у старообрядцев. Прикоснувшись к живой, чудом сохранившейся традиции русской культуры, я раз и навсегда полюбила этих удивительных людей, их обряды, книги, иконы древнего письма. Неброская, но удивительно красивая природа Стародубья, деревянная резьба Злынки, старообрядческие храмы Новозыбкова стали дороги и близки мне. Экспедиции по старообрядческим селам, изучение исторической литературы, встречи с самими старообрядцами постепенно стали предметом для более глубокого исследования.

Особое место в истории старообрядчества принадлежит Стародубью, бывшему в XVIII-XIX веках духовным центром

Новозыбков.
Рождественско-Никольская
церковь.
Фото С. ХОЛМАНЮКА.

старообрядцев юго-запада России. К середине XIX века здесь было пять старообрядческих монастырей, три крупных скита, свыше пятисот различных пустынь. Монастыри и скиты были источниками духовной жизни. Отсюда шло руководство общинами староверов, из монастырей рассылались священники в приходы. Здесь составлялись послания к христианам, писались сочинения в защиту старообрядцев, воспитывались проповедники древлеправославной веры.

Говоря о Стародубье, мы имеем в виду не только территорию, которую занимает сегодня Стародубский район. В XVIII-XIX в.в. понятие «Стародубье» толковалось шире. От него не отделяли себя старообрядцы Злынки,

Клинцов, Новозыбкова, Климово. Природные условия этого края, отношение местных властей позволяли старообрядцам не только скрываться здесь от преследований и гонений правительства, но и основывать свои монастыри, скиты, пустыни и молельни. Наиболее известным и одним из самых крупных в России был Покровский старообрядческий мужской монастырь - возле села Митьковка нынешнего Климовского района. Деревянную Покровскую церковь монастыря перевезли сюда с иконами и всей утварью из Польши в 1774 году после «ветковской выгонки». Спустя восемь лет во вновь отстроенном монастыре была сооружена Никольская каменная церковь, сохранившаяся до нашего времени.

С разрушением Ветки в результате карательных экспедиций правительства (1735-1764 гг.) Стародубье усиливает свою роль как духовный центр старообрядчества. Начиная с 30-х годов XVIII века стародубские посады застраиваются храмами, в которых проходят богослужения. Так в посаде Клинцы сооружается деревянная Вознесенская (1778 г.) и деревянная Троицкая (1787 г.). Эти здания культовой архитектуры были самобытны и оригинальны по своим формам.

Старообрядческие поселения очень долго сохраняли в себе дух вольности и своенравия. Большинство жителей в них, естественно, были староверами. Так, в Клинцах, по данным 1862 года, из 7386 проживавших человек 5301 были раскольниками. Воронок и Лужки почти на 100 процентов состояли из староверов. Кстати, в подчинении двух этих посадов находились Чуровичи.

В Воронке была своя иконописная мастерская, «богомазня», где под началом Я.Л.Деева работало десять художников. Помимо иконописцев старообрядцы славилась и другими умельцами. В слободах и посадах было широко распространено шитье бисером и стеклярусом иконных риз, развито искусство лубка и резного убора иконостасов и киотов с золочением по левкасу. Особого разговора заслуживают искусство медной пластики и книжная культура староверов. В 1970 - 1974 гг. комплексная археографическая экспедиция Московского университета обследовала районы Ветки и Стародуба. В результате научная библиотека МГУ пополнилась 240 рукописными книгами XV-XVIII вв. а также 254 книгами кириллической печати. Особый интерес представляет коллекция из 120 певческих крюковых рукописных книг. Большинство фолиантов снабжено миниатюрами и украшено орнаментом.

В нескольких километрах от Воронка находится село Лужки, которому в 20-х годах прошлого века суждено было стать центром старообрядцев «лужковского согласия». Лужковцы признавали истинным только тайное священство, верили в воцарение Антихриста и скорую кончину мира. На этом основании отрицали военную службу, присяги, богомоленье за царя. В 1845-1847 гг. Николай I трижды посылал в Стародубье протоиерея Г.Верховского с целью склонить упорных старообрядцев к единоверию. В присутствии высокого эmissара они обещали открыть в своих посадах единоверческие церкви, но когда тот возвращался в Петербург, опять брались за свое.

К середине XIX века в других раскольничьих поселениях уже появлялись единоверческие церкви, а в Стародубье в течение многих десятилетий не освятилось ни одной. Стародубские раскольники стояли за старую веру

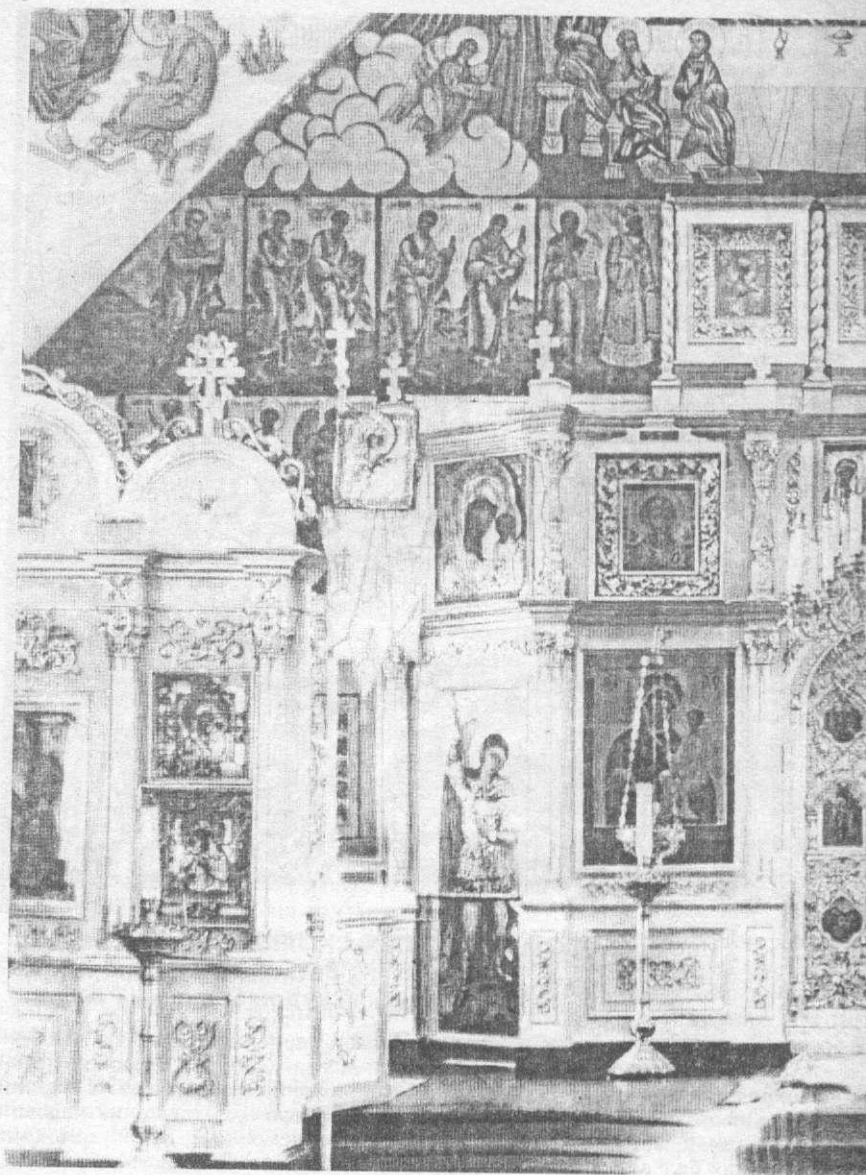
Икона «БОГОМАТЕРЬ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ».

Ветковская школа XIX в.

Брянский художественный музей.

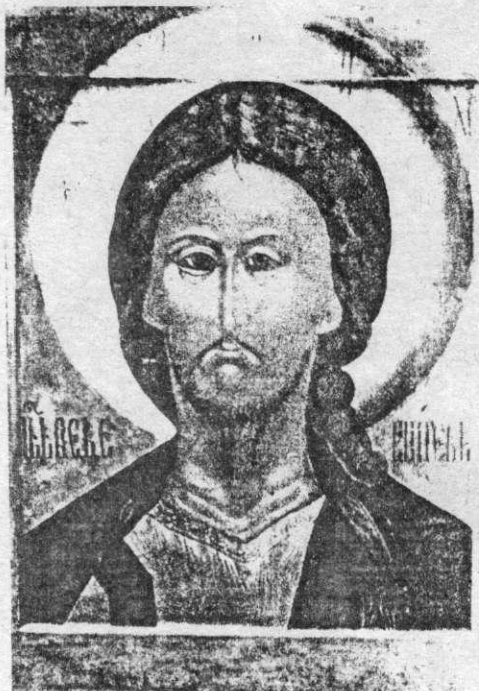
твердо. Почти в каждой слободе были свои чернецы и черницы, жившие в особых кельях, как, например, в Елионке и Зыбкой. В лесной глуши сохранялись пустыни и скиты. Как правило, они состояли из 5 - 10 келий, находившихся за высоким бревенчатым забором, а также из часовни, увенчанной восьмиконечным крестом. Непременным атрибутом была чугунная балка, подвешенная к столбу для созыва братии.

Незавидной репутацией у местных властей пользовались эти монастыри, скиты и жилища иноков, т.к. в них нередко находили себе приют разные беглецы. Порой тут скрывались и беглые монахи. Но в большинстве

Иконостас Спасо-Преображенского собора в Новозыбкове.
Фото С. ХОЛМАНЮКА.

**Икона «ГОСПОДЬ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ»
XIX в. Брянский художественный музей**

спустя полтора десятилетия печатание книг было продолжено сыном Ф.Карташова.

Староверы были талантливы во всем. Они не только писали иконы, украшая их высокохудожественными окладами, и не только печатали книги. Удивительны образцы металлопластики в виде рельефных икон, крестов и складней, выполненных из разных сплавов, зачастую с применением эмалей. До сих пор восхищает своей красотой Спасо-Преображенская церковь в Новозыбкове, построенная в 1914 году. Ныне здесь располагается кафедральный собор архиепископии Русской Древлеправославной церкви. Во главе ее архиепископ Новозыбковский, Московский и всея Руси Аристарх. Здесь действует высшее древлеправославное духовное училище. Архиепископия осуществляет издательскую деятельность. В селе Каменка Злынковского района воссоздается мужской древлеправославный монастырь. Восстанавливаются храмы в Елионке, Чуровичах, Злынке, Климове. Стародубье и сегодня предстает центром духовной жизни старообрядцев. Несмотря на все гонения, старообрядчество выстояло. Оно сохранило неповторимый колорит ушедшей от нас Руси и свою многогранную культуру.

случаев сюда стремились те, кто хотел благочестиво пожить в удалении от «мира». Примером таких мест могли служить Федутинская женская обитель, Каменский раскольниковый скит, а также Успенский мужской монастырь, находившиеся рядом со Злынкой. Близкое соседство с Веткой обусловило появление здесь большого количества духовных учителей и наставников раскола.

Стародубье после «ветковских выгонок» брало на себя функции духовного руководства и распространения раскола на юго-западе России. В конце XVIII века в Стародубье действовали старообрядческие типографии - Рукавишниковы, Железнякова и Федора Карташова. Они находились в Клинцах. В 1787 году типографии были закрыты, оборудование их конфисковано. Однако

«Брянские известия».

Олег ДУНАЕВ,
научный сотрудник Новозыбковского
краеведческого музея.

В ТРУДАХ И МОЛИТВАХ

Возникновение слободы Зыбкой относится к самому началу XVIII века. 12 сентября 1701 года стародубским полковником Миклашевским был выдан осадный фундушевый лист на поселение Слободы. 29 июня 1702 года регент войсковой канцелярии Василий Чуйкевич именем гетмана Мазепы подтвердил произведенное посланными полковником Миклашевским и местными жителями ограничение выделенных под поселение земель. К 1701 году отнесено поселение слободы Зыбкой и в Переписных книгах Ергольского и Брянчанинова (1718-1729). В этих же книгах отмечено, что первоначально осаживал эту слободу крестьянин деревни Спесивцевой Рыльского уезда Ерема Карпов. Однако показания слобожан во время Румянцевской переписи 1764-1767 годов позволяют отнести поселение ее к более раннему сроку, а именно к 1686 году. Такое расхождение вызвано, вероятно, тем, что старообрядцы селились здесь гораздо раньше официального разрешения, а обустроившись, объявляли о себе властям. Есть еще одно объяснение. 80-е годы XVII в. были отмечены наиболее сильными гонениями на старообрядцев со стороны правительства Софьи Алексеевны. Оно распространялось и на территорию Малой России. В этих условиях объявлять об основании подобной старообрядческой слободы было бы просто небезопасно.

В 1704 году слобода Зыбкая была отдана универсалом гетмана Мазепы в личное владение полковника Миклашевского. А в 1706 году она вместе со слободами Тимошкин Перевоз, Деменка и Злынка перешла к вдове погибшего в бою со шведами под Несвием Миклашевского. Следует также отметить, что слобода Зыбкая была основана в личных интересах стародубского полковника.

Осадчими старообрядческих слобод были обыкновенно люди ловкие, предприимчивые, более или менее состоятельные. Таким был и осадчий Зыбкой Ерема Карпов, получивший в 1704 году вольную от своего помещика, а в 1718 году ставший первым слободским бурмистром. Недостаток земли, отведенной для поселенцев, Ерема Карпов в середине второго десятилетия XVIII века стал восполнять скупкой их у Тростанских и Засухских казаков и крестьян, а иногда и просто отбирал за долги. Устраивал он водяные мельницы, скупал коноплю и пеньку, бил масло и продавал его в Стародубе.

Известные изменения в положении зыбковских слобожан произошли в 1715-1716 годах, когда они были переданы в прямое

Гравюра из старопечатной книги

подчинение государству. Таким образом зыбковцам удалось избежать закрепощения. Это произошло благодаря следующим обстоятельствам: во-первых, благожелательному отношению к раскольникам киевских губернаторов Голицына и Трубецкого; во-вторых, вследствие желания Петра I в условиях Северной войны расширить круг налогоплательщиков. Что же касается версии о том, что освобождение старообрядцев от личной зависимости от владельцев было связано с участием слобожан в войне со шведами, то она современными авторами признается малоубедительной. На старообрядцев Малороссии был распространен одинарный оклад. Двойной на них так и не был наложен.

Местные владельцы развернули борьбу за возвращение старообрядцев. Однако были удовлетворены лишь требования Киево-Печерской лавры, вернувшей старообрядцев со своими землями в 1741 году. Что же касается остальных слобод, то они прежним владельцам так возвращены и не были.

Довольно рано в Стародубье появились иноки и инокини из Донских уроженцев. По Румянцевской описи выходцы с Дона были указаны в слободе Зыбкой еще в первой половине XVIII века. Впоследствии их число увеличилось. Из крупных скитов и монастырей, где было много выходцев с Дона, следует указать Митьковский скит Краснощековой и Казанский Климовский женский монастырь.

Скиты и монастыри сыграли огромную роль в истории старообрядчества. Они служили не только центрами распространения раскольниковства, но и имели огромное значение в колонизации

новых земель, так как с возникновением того или другого скита почти тут же образовывался старообрядческий поселок, расширявшийся со временем в значительную деревню или слободу. Скитники были хорошими организаторами хозяйственной стороны своей жизни: вырубали леса, обрабатывали пашни, занимались скотоводством, строили мельницы, вели обширную торговлю. Для этой цели они использовали русских выходцев, которых заставляли работать на себя, «чтобы хлеб зря не ели», а затем обращали в свою веру. Скитники занимались огородничеством, садоводством, разводили пчел. Помимо основных промыслов они делали оправы книг, резали крестики, изготавливали ложки и чашки для причащения, вязали чулки, шили на прямую колодку сапоги и башмаки, писали книги и иконы. Все это сбывалось своим же единоверцам либо непосредственно, либо через иноков, посещавших старообрядческие скиты.

Скиты и монастыри были центрами просвещения и грамотности. Старцы и старицы, жившие в келиях, обучали детей, а нередко и взрослых, грамоте и прозывались «мастерами» и «мастерицами». Были и старообрядцы, жившие в селениях и переходившие из одной слободы в другую, избрав своей профессией учительство детей и взрослых грамоте. Славилась скиты и монастыри старообрядцев и как хранилища древних книг. Собирали книги и жители слобод.

Первые скиты вблизи Зыбкой появились в двадцатых годах XVIII века. Тогда был устроен «скиток старцев» около слободы Городище, как видно из жалобы тростанцев в 1732 году по поводу захвата городищенским старообрядцем Константином их земель. В самой же слободе Зыбкой имелись в это время келии, в которых жили чернецы и черницы.

В это время в самой Зыбкой некоторое время жили священник Алексей, черный священник Леонтий (1723-1724 г.г.), священник Киприан (1729г.). До 1736 года здесь уже имелась общественная часовня. По данным 1723 года, в слободе Зыбкой насчитывалось 56 дворов и 12 бобыльских хат.

Правительство всячески противодействовало росту старообрядческих скитов и монастырей. И причина здесь была далеко не только в том, что уход в старообрядчество подрывал и экономическое положение государства, так как всегда был связан с побегом от государева тягла, но и в том, что в слободах, скитах, монастырях староверов скрывались и разбойники. Не была исключением и Зыбка. 8 декабря 1731 года в слободе Зыбкой были изловлены разбойники, братья Григорий и Тимофей Соколовы. Сам факт, что слободы подчас превращались в разбойничьи вертепы, не отрицали

Канонъ ѿскновѣнію чѣтныѣ
 главы стаго пррка ѿ прѣ
 чи > крѣла гдѣа ѿоанна .
 По ѿбычнѣ началѣ > глѣмъ .
 За мѣткѣ стѣхъ оцѣ на
 шихъ > гдѣа ѿсе . хрѣте снѣ
 бжѣи > помнѣи на > аминѣ .
 таже . Стѣи бжѣ > стѣи
 крѣпкѣи > стѣи безмѣрт
 ныи > помнѣи насѣ .
 г > ѿ пок . Слава оцѣ и
 снѣ и стѣомѣ дхѣ > и ннѣ
 а а

Страница старопечатной книги

Лукьянов. Он принадлежал к старообрядцам, был уроженцем Калуги, происходил из купеческого сословия, пользовался авторитетным положением в своей среде и имел связи с калужскими купцами. Став священником, служил в Москве, в церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Песках. Совершил паломничество в Иерусалим в 1701-1702 годах. В Ветке был принят в начале второго десятилетия XVIII века священником Иовом, под именем священноинюка Леонтия и стал по счету седьмым из числа принятых последним.

Черный священник Леонтий был известен своей проповеднической деятельностью в скитах Брянских лесов за Угрой-рекой, а также среди Волоколамских раскольников на Куниловском болоте. В Зыбкой Леонтий был духовным отцом Зыбковского войта Михаила Мартынова.

Но наибольшую славу и почет среди старообрядцев слободы Зыбкой приобрел появившийся позже «вдовый священник» Патрикий Патрикеевич.

и сами старообрядцы, более того, описали его в сатирическом произведении «Седьмитолковый Апокалипсис», являвшемся сатирой на пороки слобожан.

Однако не эти люди, о которых в Малороссии сложилось стойкое мнение, что «схожие люди - плохие люди», составляли основное население слобод. Значительная часть поселян была настолько сильна в догматике и защите вероучения, что известный миссионер 20-х годов XVIII века Иосиф Решилов признавал, что для организации спора со слобожанами ему необходимо доставить огромное количество старопечатных книг. Особое упорство в вере сочеталось с неутомимостью в труде.

В 20-х годах XVIII века в Зыбкой начал проповедовать черный священник Леонтий, пришедший с Ветки. В миру его звали Иоанн

Евгений МОСЯГИН

* * *

Храня обычай древней старины
И строгий чин церковного обряда,
Они бежали с дальней стороны,
Спасая веру старого уклада.

Не дыба их страшила и не кнут,
Ни прочие карательные меры,
Не страшен был им грозный царский суд -
Страшна была утрата старой веры.

Они селились в сумрачных местах
Глухого и нехоженного края
И жили там в молитвах и трудах,
Греховные соблазны отвергая.

Когда ж пришла на Родину беда,
Забыли предки царские гоненья
И, не чураясь ратного труда,
Со всей Россией двинулись в сраженье.

За веру и за Родину свою
Они ломали вражью силу шведа,
Чтоб осенила в праведном бою
Знамена государевы победа.

Великий Петр раскольников простил,
Пожаловал им земли и гражданство.
И предки наши, не жалея сил,
В мирском труде являя постоянство,

За плотницкие взялись топоры.
В урочище лесном, глухом и зыбком
Рубили избы, ставили дворы -
Так начинался город Новозыбков.

Мосягин Евгений Потапович родился в Новозыбкове в 1926 году. Живет и работает в Москве. По специальности инженер-проектировщик. Давно занимается литературным творчеством, опубликовал ряд своих стихотворений в печати. В настоящее время является художественным редактором издательства «Терра». Поддерживает творческие связи с новозыбковскими поэтами.

Леонид ФИЛИППСКИХ,
главный редактор издательского отдела
Русской Древлеправославной Церкви.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

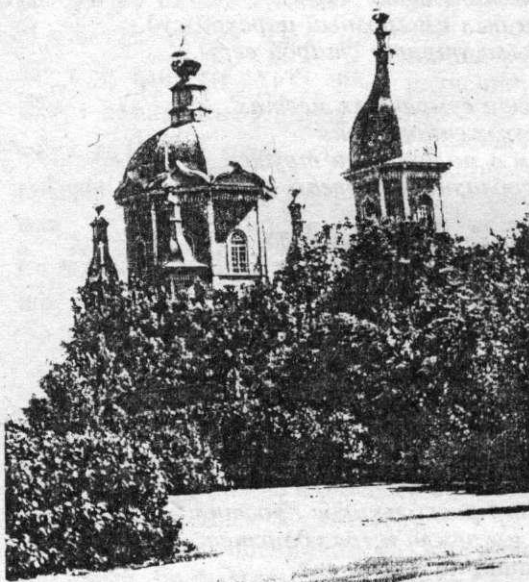

Фото В. Лахмакова

После опубликования в России известного царского манифеста от 17 октября 1905 года старообрядцы обрели право на свою религиозную деятельность, книгоиздание, строительство храмов. Это обеспечило и появление такой уникальной жемчужины русского деревянного зодчества, как Спасо-Преображенский собор в Новозыбкове.

Датой основания собора является апрель 1911 года, когда совершилось освящение места для будущей постройки и воздвигнут крест на месте будущего алтаря. Средства на постройку храма пожертвовал один из состоятельных жителей Дмитрий Кублицкий. Храм сооружался в течение трех лет при активном участии местных старообрядцев, ко-

торые своими силами рубили в лесу смолистую сосну, свозили ее к месту постройки, сами и строили храм. Причем строительство велось без проекта. Талантливые мастера просто не нуждались в нем. Весь архитектурный замысел созрел непосредственно в ходе строительства.

Радость окончания постройки храма была омрачена начавшейся первой мировой войной, когда и новозыбковские старообрядцы, оставив свою мирную жизнь, пошли на защиту Отечества от немецкого нашествия.

К большому сожалению, не сохранились сведения о том, кто из духовенства священнодействовал в этом храме в первые десятилетия. Известно лишь то, что в 1938 году храм был закрыт и превращен в зернохранилище. Проявляя заботу о святыне, верующие тайком укрыли в своих домах часть икон и богослужебных книг.

Во время службы в храме. Фото С. ХОЛМАНЮКА.

В 1943 году в храме были возобновлены богослужения. Открытию храма в значительной мере посодействовал прихожанин С.А.Дунаев. Он вдохновил верующих совершать богослужения в недействовавшем до того храме (многие годы затем Семен Акимович был здесь уставщиком). Верующие возвратили в храм те иконы и книги, которые им удалось сохранить. Недостающие были восполнены прихожанами.

После возрождения богослужebной жизни в храме его настоятелем был священник Федор Архангельский, затем во второй половине 40-х годов здесь служил священник Исаакий Лосев, а затем священник Григорий (фамилия не сохранилась). С 1951 по 1954 г. настоятелем храма являлся Иоанн Исаев. В 1954 г. для служения в храме назначен священник Иаков Матвиевич. 15 марта 1957 года он был рукоположен в сан епископа с наречением титула епископ Иеремия Новозыбковский. В 1960 году в помощь епископу был направлен диакон Гурий Антонов.

В марте 1963 года в связи с возведением епископа Иеремии в сан Архиепископа Новозыбковского, Московского и всея Руси в Спасо-Преображенском храме организовалась кафедра Первосвятытеля Древлеправославной Церкви, после чего он стал кафедральным собором.

Кафедральный собор почувствовал настоящую заботу о себе, когда в июле 1963 года настоятелем стал протоиерей Афанасий Калинин. Уже в свой первый приезд в Новозыбков в 1958 году, будучи еще диаконом Московского храма, о.Афанасий позаботился о том, чтобы сделать передвижной Алтарь для зимнего придела. Незаменимым помощником у

**Участники Собора Русской Древлеправославной церкви.
В центре—Архиепископ Геннадий. 1983 г.**

Фото С. НЕПШИ.

протоиерея Афанасия (ныне Высокопреосвященнейшего Архиепископа Аристарха - Ред.) многие годы был диакон Гурий Антонов.

В 1965 году сделан капитальный ремонт пола. В 1967 г. осуществилась окраска кафедрального собора снаружи, переделаны рамы и купола. В 1969 году храм был полностью перекрыт, заменены кресты на куполах, сделано водяное отопление.

Следующий этап благоустройства Спасо-Преображенского включал в себя реставрацию иконостаса в 1970 году. Появились крупные настенные росписи: «Тайная вечеря», «Покров Пресвятой Богородицы» и другие. Были отреставрированы десятки икон.

В 1971 году восстановлен крест над часовней - памятником русского кирпичного зодчества начала XX века. На территории церковного двора в 1972 году была заново построена резиденция Архиепископа на месте снесенного здания.

В конце 70-х и начале 80-х годов продолжалось благоустройство кафедрального собора. Он пополнился новыми комплектами нарядных облачений для духовенства, были обновлены покрывала на Престолах двух Алтарей, на аналоях; появились новые подрушники, отреставрированы богослужебные книги.

Особенно крупные работы сделаны в конце 80-х, когда по благословению Высокопреосвященнейшего Архиепископа Геннадия в кафедральном соборе сделана позолота иконостаса, выполнена настенная иконопись

**Настоятель Спасо-Преображенского собора
о. Афанасий Калинин
(ныне Архиепископ Аристарх).
Портрет работы художника Д. СУЛОЕВА**

центральной части, крыша перекрыта оцинкованным железом, позолочены десять куполов и кресты над ними, построены два новых Алтаря.

Год от года улучшается внутреннее убранство и внешний вид Спасо-Преображенского собора. Сейчас ни один прохожий не пройдет по улице мимо него, чтобы не полюбоваться его красотой, не устремить свой утомленный от житейской суеты взор ввысь к золотым куполам...

В день 1000-летия Крещения Руси, 14 августа 1988 года, во время торжественного богослужения впервые за несколько десятилетий зазвонили колокола на звоннице кафедрального собора, и теперь их звон сопровождает каждое богослужение.

Много лет при Спасо-Преображенском соборе находится кафедра Главы Древлеправославной Церкви. За эти годы здесь совер-

шены несколько архиерейских хиротоний, рукоположены десятки священников и диаконов, не счесть все торжественные богослужения.

Жизнь многих людей от святой купели Крещения до отпевания чина погребения протекала в этом святом храме. Немало душ находит для себя духовное тепло и уют в кафедральном соборе. Время течет, жизнь людей меняется, но не зарастает травой забвения тропинка, ведущая к храму.

(Из «Приложения к Древлеправославному календарю».)

Александр КУБЛИЦКИЙ

ИКОНОПИСЕЦ СЕМЕН ХАРЧЕВНИКОВ

(к 115-летию со дня рождения)

Таинственный звон церковных колоколов, зовущих в храм, суровые лики святых, словно пытающихся о чем-то предупредить нас, сверкающие позолотой оклады с переливающимися разноцветьем лучей драгоценными камнями - убранством икон, манили маленького Сеню к себе.

С раннего детства он проявлял незаурядные способности к рисованию. Унаследованное от своих предков вскоре заметил отец и отправил сына учиться к местному иконописцу Степану Трофимовичу Росинко. Радости ребенка не было конца. Но труд оказался не из легких: учился тереть краски на желтке куриного яйца, рисовать карандашом на бумаге и только потом - на специальных досках с рисунком, выполненным иглой, помогал хозяину по хозяйству. И так около трех лет. Сперва - бесплатно, потом отец время от времени вносил определенный взнос. Не сразу все получалось, но любовь к творчеству и трудолюбие помогли преодолевать трудности.

К двенадцати годам Семен закончил учебу и по рекомендации учителя устроился на работу в бригаду иконописцев Е.А.Журавлева. А когда заканчивалось строительство в Новозыбкове Димитровского старообрядческого храма (ныне Спасо-Преображенский собор), Семен Васильевич, уже имея определенный профессиональный опыт, пишет для церкви четырех Евангелистов, Николая Угодника, апостолов на иконостас и ряд других икон. С получением известности к юному иконописцу стали поступать заказы не только от старообрядцев, но и из православных приходов.

Начавшаяся первая мировая война на время оторвала от любимого дела. Новозыбковским уездным по воинской повинности присутствием С.В.Харчевников призывается ратником в действующую армию. Там он встречается с недозволенным обращением старший по званию сослуживцев. Патриотически настроенный новобранец не мог принять подобные надругательства над теми, кто призывался служить «За веру, Царя и Отечество». Мрачные мысли приходили в голову. Но судьба оказалась к нему благосклонной: его определили ротным писарем и декоратором в местный театр. Сохранился небольшой листок бумаги с начертанным на нем текстом: «Почетный билет декоратору С.Харчевникову для входа в театр при 289 пехот. зап. полку. 18 апреля 1917 г.».

Вихрем пролетела революция, жестоко сметаая монархический режим. На тройке сбежал с семьей командир полка, в маршевую роту был отправлен унтер-офицер. Харчевников стал уже штаб-

Икона письма
С.В. ХАРЧЕВНИКОВА

С. Харчевников
в молодые годы
(Фото из архива автора)

С.В. Харчевников у своей работы. 1968 г. (Фото автора)

ным писарем. Активно действовал революционный комитет полка, без разрешения которого не отдавался ни один приказ.

В свободное от службы время штабной писарь писал картины для войсковой части, а нередко и на продажу через магазин, тем самым облегчая материальное положение свое и родителей.

После демобилизации в 1919 году он вернулся домой в родной Новозыбков, стал работать среди допризывников территориальных войск при военкомате. Но по-прежнему его тянуло к художественному творчеству. С.В.Харчевников покидает военкомат и посвящает себя живописи: пишет плакаты, занимается малярной работой. Но любовь к иконописи побеждает и он постепенно возвращается к выполнению заказов по написанию и реставрации икон.

После Великой Отечественной войны, получив II группу инвалидности, работал заведующим городской художественной мастерской, а с 1952 года ушел на пенсию. Его приглашают для работы в церкви, приносят заказы домой как местные верующие, так и из Гомеля, Семеновки, Черниговской области. Но года уже давали о себе знать. Слабело зрение, появилась дрожь в пальцах. К концу девятого десятка лет жизни его посетила И.В.Поздеева, возглавлявшая московскую научную экспедицию. Долго записывала искусствовед и специалист по иконописи технологические особенности работы иконописца С.Харчевникова, секреты его письма.

21 декабря 1972 года Семен Васильевич скончался. Перед этим он продолжал работать над новой иконой. Стало плохо, прилег. Поднялся и снова взялся за кисть. Боль усилилась. Собрал краски, помыл кисть и лег, рассчитывая утром продолжить. Но... больше не встал.

Ушел из жизни добрый, честный, талантливый Человек, в последние годы своей долгой жизни ни копейки не бравший с прихожан за свой труд. Местная газета обошла его смерть молчанием. Приходил внук с текстом соболезнования от родных и близких. Сидевший за столом сотрудник редакции холодно отказал его напечатать.

- Иконописец, говоришь? Нет, нельзя.

Мне, как краеведу, нередко приходилось бывать в селах района. Особенно часто иконы его письма встречались в Шеломах - родине его предков. В старинных окладах, нередко покрытые ризами, искусно выполненными еще мастерицами бывшего Казанского монастыря. Память о новозыбковском иконописце, последнем из крупных мастеров старой школы, будет долго жить в написанных им иконах и картинах - духовном завещании будущим поколениям.

Анатолий ВОРОБЬЕВ

СВЯТСКИЕ РОСПИСИ

Воробьев Анатолий Павлович - журналист, родился в с.Святск Новозыбковского района в 1937 году. Живет в Москве. Долгое время работал ответственным секретарем редакции газеты «Гудок». Автор книги «Капелька России», посвященной людям нашего края, среди которых он по-прежнему находит темы для своих очерков. Регулярно публикуется в центральных изданиях. Хорошо известен новозыбковским читателям по ряду статей на черныбыльскую тему.

Святск - село старинное: ему, как утверждают летописи Киево-Печерской лавры, больше трех веков. Предки наши в свое время разошлись во взглядах с патриархом Никоном - остались в старой вере, чем и навлекли на себя царский гнев. Спасаясь от гонений, они ушли на окраинные земли Русского государства да там и осели своими старообрядческими общинами. Село наше, если посмотреть на карте, как раз на самом краешке России и стоит.

Своим названием село обязано роднику-кринице, из которой оно по сей день пьет воду. В давние времена, если верить легенде, поп, совершая обряд освящения этого родника, неловко взмахнул рукавом рясы и уронил в воду свой серебряный крест. С тех пор и с того креста, гласит легенда, стали люди называть эту воду святой, а уж от нее и селу нашему пришло название Святск.

Если же быть более точным, то летоисчисление Святска следовало бы начинать с 1376 года, когда на принадлежащих Киево-Печерской лавре «землях свяцких» был создан мужской монастырь. Здесь, в тихой лесной обители, укрытой от глаз врагов, велась подготовка воинства для борьбы против татаро-монголов. Как известно, уже в Куликовской битве 1380 года вместе с ратниками Дмитрия Донского сражались и монахи - может быть, даже из этого самого монастыря, с которого и пошел наш Святск.

Красивое село Святск. Стоит оно на самом взгорке, как будто наши предки здесь не село себе - храм для души своей ставили. С какой стороны на него ни посмотри, оно всегда перед тобой, как на ладони, дивом является. Чувством красоты, я так думаю, бог моих предков не обидел, - вон каким вымечтали себе село, когда впервые ступили на эту землю.

Каждая улица здесь со всех сторон продувается ветром насквозь - воздух поэтому в селе всегда чистый и свежий. Погода на завтра безошибочно предсказывается в Святске по запахам. Потянуло, скажем, по селу запахом березовой листвы - значит, ветер с востока, он обычно к хорошей погоде. С духом белорусских сосен приходит к нам с запада предчувствие близких дождей. Запахло

свежим сеном - значит с лугов потянуло, с севера, значит идет к нам прохлада. Вон как мудро все устроено для жизни!

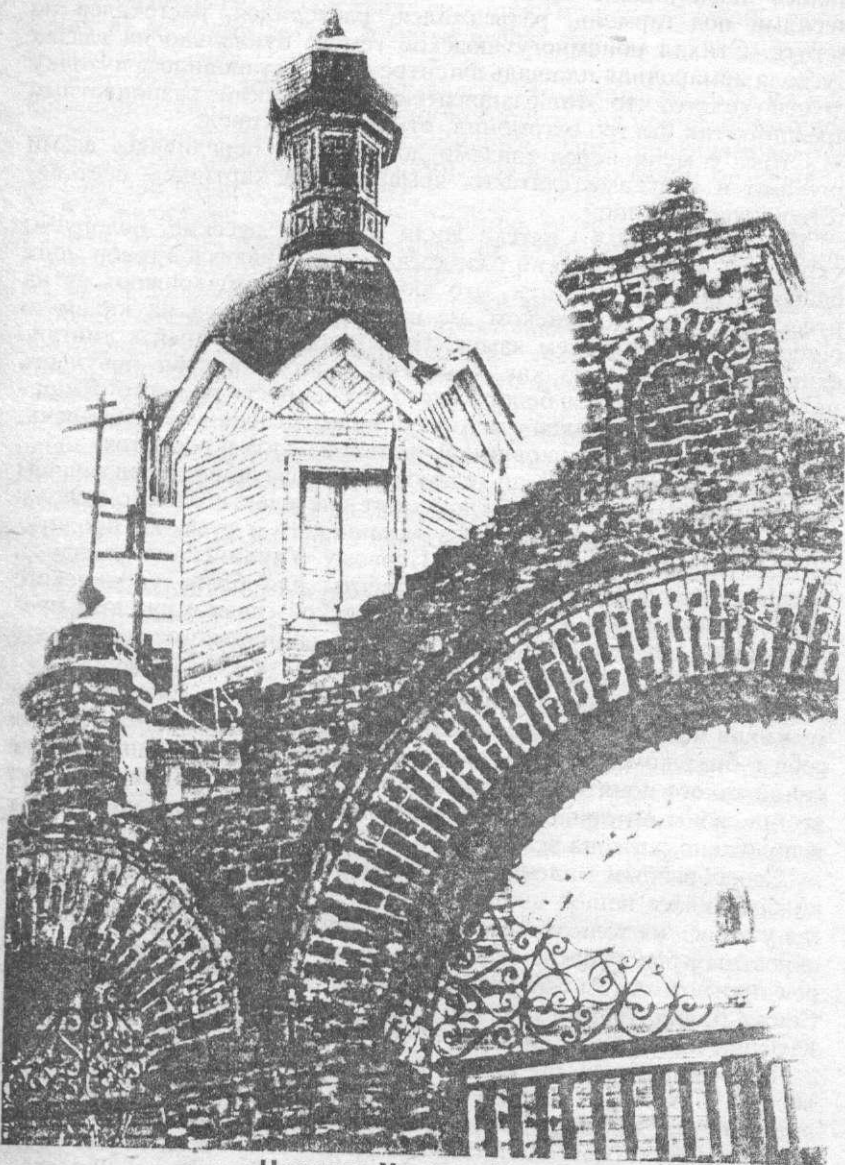
Вместе с верой старообрядцы сохранили в этих местах целый пласт древнерусской культуры. В приходской церкви Успения можно было увидеть иконы письма художников рублевской школы, старинные, на замках, священные книги. Каждый святский дом напоминает собой маленький музей со своей экспозицией старинных икон. Да и сам быт села до сей поры еще несет на себе печать старообрядческого прошлого. Кто бы ни побывал в Святске - а сюда приезжали историки, этнографы, лингвисты и много другого культурного народу - все, как один, отмечают необыкновенную чистоту в домах, во дворах и на улицах, редкостную по нынешней поре, уважительность в отношениях между людьми, строгое соблюдение нравственных заповедей предков. Чистое, ухоженное, светлое, село мое чем-то напоминает мне благообразную старушку, которая только вот что собралась в церковь к заутрене. Вот как, скажите, смогли человек, природа, дух слиться в пространстве бытия столь дивным образом, что получилось такое село, как Святск?!

В нашем русском селе Святск, что всего в версте от Белоруссии и немного дальше от Украины, по воскресным дням, сколько себя помню, шумели базары и ярмарки. С рассветом на подводах, на автомашинах, больше - пешком стекался сюда народ со всей округи. Из соседних белорусских весок везли гусей в больших плетеных корзинах. Из украинских сел приезжали гончары с высокими возами, уставленными рядами горшков, кувшинов, мисок. Соседние русские деревни везли на подводах горы яблок и огурцов, мед в бочонках... Все, чем богата округа, можно было видеть на ярмарке.

Удивительный это праздник - деревенская ярмарка! Люди ехали на ярмарку действительно как на праздник: в лучших своих нарядах, с песнями под гармонь. Каких только нарядов, бывало, не насмотришься в живом кружеве ярмарочного дня. По ним одним можно было безошибочно определить, кто она, обладательница красочных, расшитых на национальный манер, одежд - украинская жинка, белорусская кобета или русская женщина. Самыми яркими в этом смотре нарядов, как мне казалось, были те, в каких являлись к нам в село на ярмарку кобеты из соседней белорусской вески Неглюбки, - что домотканые юбки да кофты, что горжеты да поневы, что платки-хустки с красными узорами... Смотришь на все это - глаз не можешь оторвать.

Но больше всего меня в детстве поражало на ярмарках другое: люди говорят на разных языках - а друг друга понимают.

С полудня ярмарка шла на убыль - народ усталый, но довольный, слегка раздобревший после магарыча, которым обычно скреп-

Церковь Успения Богородицы в Святске.
Фото С. НЕПШИ.

лялась любая, даже самая незначительная, торговая сделка, с песнями под гармонь, разъезжался, расходился, растекался по округе. Стигал понемногу людской гомон, буквально на глазах пустела ярмарочная площадь в центре села, и становилось чуточку грустно оттого, что этот разноязыкий, разноликий, разноцветный праздник так быстро отгомонил, отмелькал, отцвел.

Стоит у меня перед глазами до сих пор, переливаясь всеми звуками и красками святских ярмарок, эта картина - веет детством, веет родиной...

Испокон веков в Святске жили и живут русские, белорусы, украинцы, евреи... Всякий раз, когда я вслушиваюсь в говор моих односельчан, мне кажется, что люди здесь разговаривают не на русском, не на украинском, не на белорусском, а на каком-то общем и понятном всем языке. Наш говор, известный в лингвистической литературе как брянский, вобрал в себя певучесть украинского, мягкость белорусского, степенность русского. Широко и плавно течет, «акая» да «якая» на все стороны людская речь, заворачивает своей диковинной вязью из слов и оборотов.

...Как-то, оказавшись по делам в Чернигове, обнаружил в одном архиве уникальный для себя документ - передаю его слово в слово: «Да здравствует братский союз украинского и русского пролетариата! Шлем горячий привет Первому Украинскому съезду и искренне желаем плодотворной работы для блага украинского пролетариата и для установления братской связи с русским пролетариатом на началах федерации и социального единения!» Документ этот - резолюция Святского Совета 1917 года.

Я никогда, наверно, не перестану удивляться прозорливости мужиков моего родного села, которые смогли за далью лет увидеть себя в братском союзе с мужиками других народов. Они даже не знали такого понятия, как дружба народов, - они просто жили тут всегда своим интернационалом и считали, что добрым людям так и положено жить на земле.

Своеобразным маленьким интернационалом мог бы считаться каждый класс нашей школы, единственной тогда на всю округу, где учились не только святские ребята, но и их сверстники из окрестных белорусских деревень. Здесь учился сын местного еврея-портного затем генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза Давид Драгунский, чей бронзовый бюст был установлен на Красной площади в Святске.

Вспоминаю мои школьные годы - они прилипли как раз на военное лихолетье. Ходили ребята в школу бог весть в чем, с ввалившимися от недосыпания глазами, - ведь одевать и кормить их стало некому: отцовский интернационал к тому времени уже почти весь полег под Жлобином при освобождении Белоруссии. В несладком по той поре нашем детском житье-бытье одним утешением

была нам школа - она согревала сиротские маленькие души, чтобы в них не заглохли ростки доброты и братства, на которых всегда стояло наше село.

Я тогда еще даже не догадывался, что школа растила из нас новый интернационал - на смену погибшему на войне, о котором скорбит скульптура матери, склонившей голову над мраморными плитами с тремястами фамилиями, над вечным огнем мемориала на Красной площади в Святске.

Ах, какая же чудная была, помню, в тот год здесь весна! Ранняя, теплая, солнечная - точно на заказ. Рано пошла в рост трава - село уже отведало в охотку щавелевых щей. Запустилась верба перед домом, и весь день над ней висел звенящий гул пчел. С полей наплывал мерный рокот тракторов: сев там шел вовсю. С полудня второй день подряд на площади слышались голоса школьников, копошившихся вокруг сельского мемориала - приводили там все в порядок.

Люди уже почти управились с делами на усадьбах и теперь прибирались в своих домах, топили бани - короче готовились к Первомайскому празднику. После зимней отлучки день-деньской возились аисты со своим гнездом на высоком дубе в центре села, время от времени возвещая стрекотом, что они уже вернулись в родные места.

Тихо догорал закат, тянуло с востока сладкой горечью молодой березовой листвы - по всем приметам завтрашний день обещал быть хорошим. Кто бы мог подумать, что это был последний для Святска светлый день, - на завтра все затмил Чернобыль.

«Люди добрые! Да за что ж, скажите, за какие, зная не знаем, грехи нам кара такая - этот окаянный Чернобыль!»... «Да разве ж мы тут не как люди жили? Одной и той же рукой спокон веков в поле робыли и богу молились»... «Живем мы тут, а ведь жизни не видим - всю-то жизнь от нас этот окаянный Чернобыль закрыл...» Все эти причитания святских женщин, услышанные мною за четыре года в зоне, слились в моей памяти в сплошной народный плач.

Какое-то странное, ей богу, сейчас у меня состояние. Втайне я еще живу смутной надеждой, что каким-то чудом все образуется, все станет на свои места и никогда не погаснет для меня в святских окнах свет моей родины. А сам в это время думаю, что село мое теперь уже не более, чем призрак былого, который преследует меня неотступно с тех пор, как стряслась эта самая беда. Да если здраво рассуждать, то при той радиационной обстановке, какая там сейчас: 48 и более кюри на каждом квадратном километре земли и до 0,3 миллирентгена в час в воздухе, у моего Святска и в самом деле нет ни настоящего, ни будущего - у него только прошлое.

Время для Святска остановилось навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	1
■ ПУБЛИЦИСТИКА	
З.Бабичева. Что с нами случилось?	2
■ ИСТОРИОГРАФИЯ	
П.Мельников-Печерский.	
Начало раскола старообрядства.	5
М.Аджиев. Раскол.	10
■ ИСТОРИЯ КРАЯ	
Ю.Колосов. Из истории старообрядческих поселений на Брянщине в XVII-XIX в.в.	14
М.Кочергина. Хранители старой веры.	17
О.Дунаев. В трудах и молитвах.	23
■ ТВОРЧЕСТВО	
Е.Мосягин. «Храня обычай древней старины...» Стихи.	27
■ НАШИ РЕЛИКВИИ	
Л.Филиппских. Спасо-Преображенский кафедральный собор.	28
■ СОБЫТИЯ И ЛЮДИ	
А.Кублицкий. Иконописец Семен Харчевников.	32
■ ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ	
А.Воробьев. Святские росписи.	35

НА ОБЛОЖКЕ:

1 стр. Часовня во дворе Спасо-Преображенского собора.
Фото С.Холманюка.

2 стр. Спасо-Преображенский собор. Фото К.Попова.

Издание клуба культурных инициатив «Зыбчане».
1997 год: г.Новозыбков.

Редактор-составитель К.Ф.Попов.

Редакционный совет:

С.Макаров, Л.Шпакова, А.Колмаков, А.Таловерко.

Адрес редакции: 243000, Брянская область, г.Новозыбков, ул. Рокоссов-
ского, 31. Телефоны: 2-31-03, 3-27-67.

В предыдущем II выпуске сборника допущена опечатка. На обложке и 1 стр.
вместо года издания 1997 следует читать 1996.

Новозыбковская городская типография. Заказ № 922. Тираж 300 экз.